

И. А. Баграмян.
Фотограф

скому, каждый дом являет тебе свой неповторимый облик. Что ни фасад, то и новая страница, которую не устанешь читать, сколько бы на нее ни смотрел. Идешь по Невскому — страницы меняются. Ты чем-то озабочен и не обращаешь на них внимания, но подсознательно все равно продолжаешь давным-давно начатое чтение. И оно оставляет в памяти свой отпечаток; и рано или поздно ты опять возвратишься на Невский, влекомый этой памятью. И именно она подскажет, какие «страницы» можно

дополнительно «иллюстрировать», и, хорошенько подумав, найдешь и подходящий скверик для «Тиммы» М. М. Ершова, и уютное фойе кинотеатра для «Пабло Неруды» В. П. Астапова, и соответствующий интерьер для «Омара Хайяма» В. П. Козина, для «Ярилы» Б. А. Свирина, для изящных работ Е. Н. Ротанова, В. И. Трояновского, З. М. Агаяна... И, захваченный этой игрой, вообразишь — уже на территории какого-либо завода — надлежаще оформленную

В. П. Козин.
Рождение поэзии.
Омар Хайям

площадку для тех самых чугунных сталеваров...

А в новых кварталах не может быть никакого чтения. Там счет. Одинаковых домов, одинаковых подъездов. И не дай бог сбиться со счета! Залетишь тогда не в свой дом, а то и не в свой квартал. Такая уж тут окружающая среда.

Эта выставка (хорошо, что она состоялась) обратила еще раз наше внимание именно на нее, на среду.

Работы заслуженного художника РСФСР Б. А. Свирина, в содружестве с зодчими создававшие

го архитектурно-скульптурные ансамбли города Нааои, представленные в макетах и фотографиях, говорят о том, что с нею можно взаимодействовать. Это подтверждают своими моделями Г. К. Баграмян (оформление площадки перед хинкальной «Кахети» в Ленинграде), И. А. Сурский («Основание Порохового завода», «Основание города Костромы»), другие мастера.

Можно взаимодействовать. И нужно! А пока жесткие ритмы повторяющихся прямых в современной застройке, навязчивые, как ритмы поп-музыки, никак не сопрягаются с напевностью пластических линий. Жить с этим в принципе можно, но... Так тоскливо!

Но от тоски можно прятаться в квартире, а сквозь строй одинаковых домов проходить, прикидываясь незрячим. А если ты с рождения принужден жить в этой среде? Какой настрой получит душа? Не скажется ли на нем жесткость неумолимой ритмики прямых? Не заскоружнут ли чувства? Думается, не случайно некоторые из тех скульптур на снегу перед Выставочным залом вызвали чье-то активное неприятие — они пострадали от рук людей с заскоруждой душой.

М. М. Ершов. Тимма

Воспоминания

Галина КОЛБАСЬЕВА

ТРИ ПИСЬМА

Из письма Николая Тихонова Льву Луццу. Петроград. Октябрь 1923 года.

«...Сергей Колбасьев делал прогулку по Афганистану. Растолстел как кабульский боров, — поздоровел — привез 1001 рассказ, афганские подтяжки, брюки, анекдоты. В общем, богатый человек и уже уехал снова: в Гельсингфорс на один год. Жди от него письма. Верочка — слушай, Лева, — вероятно, на днях подарит ему маленького афганца, ребенка, который еще до появления на свет, без визы проехал в Азию, обратно, в Финляндию и т. д. Чудо конструктивизма...».

Сергей Адамович Колбасьев — мой отец. Верочка — его жена и моя мать Вера Петровна Колбасьева. «Маленьким афганцем» оказалась я, появившись на свет в ноябре 1923 года.

Когда Николай Семенович писал — «Колбасьев делал прогулку по Афганистану», он имел в виду очень недолгое пребывание моего отца в этой стране. Случилось так, что он не нашел общего языка со своим непосредственным начальником Ф. Ф. Раскольниковым и, спустя два месяца, вынужден был покинуть Кабул и возвратиться в Россию, откуда его вскоре направили переводчиком в советское торгпредство в Финляндию. Там он проработал четыре года.

Итак, я родилась в Гельсингфорсе в ноябре 1923 года. Грудным ребенком я была необыкновенно криклива. Особенно по ночам, и бедные мои родители по очереди носили меня на руках и, вместо обычных в таких случаях колыбельных песен, читали мне стихи. Почему-то наилучшего эффекта они достигали, читая гекзаметр: «Он перед грудью поставил свой щит величественный, дивно украшенный...». При этом я обычно засыпала.

Тогда в нашем доме постоянно звучали стихи. И отец и мама знали их великое множество — у обоих была прекрасная память. И ничего нет удивительного в том, что однажды, было мне тогда года три-четыре, я разразилась белыми стихами:

Отчего ветер так жутко воет?
Отчего море не блестит?
Отчего никого не видно
И никто не едет в Америку?

Впрочем, на этом мое поэтическое творчество и закончилось.

Естественно, мои воспоминания о жизни в Финляндии смутны и отрывочны.

Как я уже говорила, отец работал в полпредстве переводчиком. Еще восьмидевятилетним мальчиком его стали обучать иностранным языкам, причем одновременно английскому, немецкому и французскому, которыми он овладел в совершенстве. Его мать — Эмилия Петровна, урожденная Каруана, была итальянкой и передала сыну знание итальянского. Кроме того, он впоследствии самостоятельно изучал шведский и фарси.

Когда в феврале 1922 года отец был уволен в запас, он, бывший флотский командир, оказался в крайне затруднительном материальном положении. Он работал в издательстве «Всемирная литература». Делал переводы. Писал стихи. Их изредка печатали в литературных альманахах. Отдельной книжкой вышла его поэма «Открытое море». Но все это едва позволяло ему сводить концы с концами. К тому же он вскоре женился. Знание иностранных языков дало возможность отцу устроиться на работу за границу (не без помощи брата Ларисы Рейснер) и обеспечить молодой семье сносное существование.

В Финляндии отец увлекся джазовой музыкой. Оттуда он привез десятка полтора пластинок, положивших начало его будущей коллекции, о которой впоследствии ходили легенды. Так, например, Илья Рахтанов в своих воспоминаниях утверждал, что эта коллекция составляла десять тысяч пластинок, тогда как на самом деле их было не более двухсот. Это подтверждает папин друг, Генрих Романович Терпиловский, помогавший отцу систематизировать коллекцию. Помимо пластинок отец привез каталоги лучших фирм, производящих записи. Руководствуясь этими каталогами, он потом пополнял свою коллекцию.

В мае 1928 года отец закончил службу в Финляндии, и мы возвратились в Ленинград. Тогда же мои родители разошлись. Мама вернулась к своим родителям, а отец получил две комнаты на Моховой улице. Брак родителей официально расторгнут не был, и, сколько я помню, они всегда оставались добрыми друзьями. По взаимному согласию роди-

тели решили, что мне будет лучше жить в семье отца (мама поступила на службу и мало находилась дома), а выходные дни я проводила у мамы. Иногда мы их проводили все вместе, выезжая куда-нибудь с компанией друзей.

Затрудняюсь сказать, каков был первоначальный метраж нашей площади в коммунальной квартире на Моховой. Мы с бабушкой жили в пятнадцатиметровой комнате, а комната отца представляла собой громадный проходной зал — через него соседи ходили на кухню, в ванную и туалет. Сюда же выходила дверь еще одного соседа. Впоследствии из этой комнаты выделили длинный Г-образный коридор, тем самым изолировав ее, но даже после этого она осталась огромной — сорок квадратных метров. Здесь были одновременно и наша столовая и панины кабинет и спальня, тут мы принимали друзей и устраивали семейные торжества. Вдоль стены стоял великолепный макет «Джунгли», подаренный мне на день рождения. Папа сделал его вместе с художником Николаем Радловым. В «Джунглях» много тропические деревья, лианы и множество всякого зверья из киплинговского «Маугли». Папа подолгу играл со мной в этих «Джунглях», и было впечатление, что при этом он получал не меньшее удовольствие, чем я.

Вообще отец уделял мне много времени и внимания. В моих с ним отношениях была полная искренность и равноправная дружба. Не помню ни одной ссоры между нами. Он никогда не наказывал меня, не повышал голос. До сих пор для меня остается загадкой, как он умудрялся совсем незаметно заставлять меня вести себя именно так, как хотел этого он, как он умел предупредить мои нежелательные поступки. Не перестаю удивляться его педагогическому таланту, тем более что я была далеко не идеальным ребенком.

Вероятнее всего, педагогический секрет отца заключался в том, что мне всегда было с ним необычайно интересно. Даже тогда, когда я была еще совсем маленькой. Мне было четыре с половиной года, когда мы возвратились в Ленинград. На следующий же день папа повел меня знакомиться с городом. Первая наша прогулка была вдоль Невы и в Летний сад. Конечно, я не помню, что мне тогда рассказывал отец, но то, что я увидела, навсегда врезалось в память. Нева меня потрясла. А в Летнем саду мы направились к Крылову. Показывая памятник, папа читал басни, и незаметно вокруг нас собралась целая толпа ребятишек.

Возможно, это самое первое впечатление заложило во мне неистребимую любовь к нашему прекрасному городу, которую я пронесла через всю жизнь. Я отказалась покинуть Ленинград во время

войны, когда началась эвакуация, перенесла все тяготы блокады и чудом осталась жива. Я неизменно скучала по нему, уезжая в командировки или в отпуск в другие города. А во время короткой двухнедельной командировки за рубеж, в Англию, с первых же дней почувствовала, что означает ностальгия, несмотря на обилие впечатлений...

Приближался мой день рождения. Тот свмый, когда мне подарили «Джунгли». Мама как-то сказала: «Скоро тебе стукнет пять лет». Я никак не могла понять и всех спрашивала, как это так — «стукнет». И вот однажды, возвратившись с прогулки, едва переступив порог, я услышала мерные удары (по-видимому, в такт). С каждым ударом папа поднимал руку и отсчитывал: «Раз, два, три, четыре, пять! Вот тебе и стукнуло пять лет!». Он был неистощим на разные выдумки.

Как ценнейшую реликвию храню я маленькую детгизовскую книжку «Крен» с дарственной надписью: «Моей собственной дочери Галине Сергеевне. Дружественный автор. 12.V.35». Другая реликвия — письмо, присланное из очередного плавания. Оно не датировано, но предполагаю, что это был 1931 год. Вот оно:

«Милая моя дочь Галина Сергеевна, Я очень по тебе соскучился, но теперь скоро с тобой увижусь. Я приеду около 14 июля.

Расскажу тебе очень много интересного. Про то, как мы в открытом море ловили рыбу, и про медвежонка, который плавает на одном из наших миноносцев.

Большое спасибо тебе за твое милое письмо, которое ты прислала мне с дачи. Козленка и все прочие прелести ты мне покажешь, правда?

Видишь, я стараюсь писать буквы „т“ и „д“ так, как ты привыкла, а ты за это мое старание пиши мне письма. Мне очень приятно их от тебя получать.

Почему-то мне кажется, что ты совсем перестала жмакать и стала послушной душечкой. Наверное это так.

Ну пока бононоте, поцеловать и тронуть.

Папа».

Придется объяснить, что «жмакать» — папино изобретение, означавшее плохо есть. Бононоте — русская транскрипция итальянского «спокойной ночи». «Бононоте, поцеловать и тронуть» — так мы обычно расставались на ночь.

Несколько лет подряд отец отправлял нас на дачу в Александровскую. Это была писательская дача, и мы там отдыхали вместе с семьями других писателей. Один год, вероятно последний, с нами жили Марина Николаевна Чуковская с дочерью Татой, моей ровесницей, и трехлетним Коленкой, а также красавица Зоя Александровна Козакова с сыновьями Вовой,

Борей и грудным Мишенькой. Теперь Мишенька — известный артист Михаил Козаков.

Однажды отец привез мне модель яхты, которую сам построил. В длину она была около шестидесяти пяти сантиметров и являлась точной копией настоящей яхты: можно было поднимать и спускать паруса, заглядывать в дверь изящной каюты, а на ходу она была легкой и послушной — мы пускали ее в Финском заливе.

Строить модели кораблей отец начал лет с десяти. Он построил настоящий флот. У него были модели подводных лодок и катеров, миноносцев и линейных кораблей. Все они были выполнены самым тщательным образом: на них были шлюпки, вращающиеся орудия, даже крошечные якоря, а материалом для такелажа служили тонкие волосы. Длина самой большой модели, линкора, не превышала восемнадцати сантиметров. И весь этот флот и моя яхта вместе с ним погибли во время бомбежки в 1942 году, в суровую аимнюю блокаду.

Когда мне было семь лет, отец отправил меня в так называемую дошкольную группу, а попросту — к частной учительнице, которая вела занятия с детьми по

ужасом убедилась, что ничегошеньки не понимаю из того, что говорилось в классе и вокруг меня. Но не прошло и трех-четырёх месяцев, как полностью освоилась и болтала по-английски не хуже своих школьных товарищей. Вот как эффективен так называемый «метод погружения» при изучении иностранного языка!

Жизнь текла своим чередом. Возвращаясь из школы, я гуляла, потом делала уроки. Папа в это время занимался своими делами, о которых имею смутное представление. Бабушка вела домашнее хозяйство. А к вечеру к нам обязательно кто-нибудь приходил, и не один, а человека три-четыре, иногда и больше. Не помню дня, чтобы у нас някого не было. Кто только не перебивал в нашем доме на Моховой! И писатели — Николай Тихонов, Корней и Николай Чуковские, Вениамин Каверин, Михаил Слонимский, Борис Лавренев... всех и не вспомнить. Приходили радиолюбители, знатоки и поклонники джаза, художники, композиторы, артисты... Засиживались допоздна, когда отец демонстрировал гостям свои новые пластинки или записи джазовой музыки.

Отец сам собрал проигрыватель для пластинок, как, впрочем, и радиоприемник. От своей аппаратуры он добился чистейшего звучания, не идущего ни в какое сравнение с бытовыми звукозаписывающими устройствами тех времен.

Радиоприемник принимал зарубежные станции, которые часто передавали хороший джаз. И тогда у отца возникла идея сделать звукозаписывающее устройство. Эту идею он вскоре осуществил вместе с изобретателем Вадимом Охотниковым. Не вдаваясь в подробности описания аппарата, скажу только, что запись производилась на кинолентку, склеенную в кольца. Этот же аппарат и воспроизводил только что сделанную запись с помощью обычного звукоснимателя с иглой. Ничего общего с магнитофоном это устройство не имело.

Последним достижением отца в области радиотехники было устройство для приема изображения. В нем не было даже отдаленного сходства с телевизором. Большой, около полуметра в диаметре, металлический перфорированный диск; в верхней его части при вращении возникало на розовом фоне изображение величинной со спичечный коробок.

Мир увлечений отца был необычайно разнообразен. Помимо своей неизменной страсти к радио и джазу, он увлекался и фотографией, и авиамоделизмом и даже изготовлением различных игрушек, в том числе елочных, которых в те годы в продаже почти не было. Он прекрасно знал мировую литературу, живопись, музыку. Все, кто с ним встречался, кто приходил

Сергей Колбасьев с дочерью Галиной

программе первого — второго классов. Одновременно ко мне приходила учительница английского языка. А через два года отец определил меня в третий класс английской школы. Здесь учились дети англичан и американцев, волей судьбы оказавшихся в Ленинграде. Интересная была эта школа — в классах по семь-восемь учеников, все предметы велись на английском языке, русский изучали как иностранный. Очутившись в такой обстановке, вначале, на первых уроках, я с

в наш дом, находили в нем интереснейшего собеседника.

Я обычно ложилась спать в девять часов вечера, но еще долго из соседней комнаты мне были слышны приглушенные голоса, смех и звуки музыки.

Только после того, как расходились гости, когда уже никто и ничто не могло отвлечь отца, он садился за рабочий стол и писал. Он работал всю ночь и ложился спать часов в семь утра. Вставал поздно, не раньше двух часов дня.

Не имея машинки, он писал от руки, четким почерком, почти без помарок. Черновиками не пользовался, писал на аккуратно нарезанных листках размером в одну четверть стандартной страницы. Если требовались какие-либо исправления или изменения текста, он попросту заменял забракованный листок на другой. Таким образом, у него отпадала необходимость заново переписывать большие куски рукописи.

В 1922—1924 годах на страницах журналов появились четыре его ранних рассказа и очерк об Азовской военной флотилии. Однако начало активной литературной деятельности отца следует отнести к моменту его возвращения из-за границы. Недолгий девятилетний период его творчества оказался очень плодотворным. Современному читателю известно далеко не все, что было им написано.

Однако путь его, как я выяснила спустя многие годы, был далеко не безоблачным. Его любили читатели, его книги на прилавках не залеживались. Его повесть «Салаженок» выдержала семь изданий, книга «Поворот все вдруг» — пять. И тем не менее, эта самая книга после первого же издания в 1931 году подверглась ироничной критике. Шквальным огнем обрушились на нее Л. Соболев, Вс. Вишневский, С. Варшавский, Н. Саирин, обвиня автора в том, что он искажает историческую действительность, не дает представления о революции, не приводит правильных, полезных сведений о флоте, море, корабле, что в книге отсутствует революционная матросская масса, что автора цепко держат в своих объятиях буржуазные представления... и далее в том же духе.

Нелегко писателю перенести подобные обвинения. И вот что странно: я никогда не видела отца чем-либо расстроенным и даже не подозревала, что у него могли быть крупные неприятности. Критические статьи, обнаруженные мною спустя почти сорок лет, явились для меня ошелмляющим открытием.

Мне всегда казалось, что в нашем доме царил полное благополучие — никаких конфликтов, никаких неприятностей и горестей. Теперь знаю, что они были. Но с каким умением оберегали меня от них!

Только несколько лет назад я узнала, что до 1937 года отца дважды арестовывали, но вскоре освобождали. Мне же тогда говорили, что отец ушел в очередное плавание или уехал в Москву, и я верила.

Последний, третий раз отца арестовали в ночь с 10 на 11 апреля 1937 года. Только тогда, каким-то шестым чувством я поняла, что случилась непоправимая беда, и бабушка вынуждена была мне это подтвердить.

Отец, зная свою полную невинность, думая, что это очередная ошибка и что он скоро вернется, ушел, не простившись со мной. Так и ушел... Навсегда... Реабилитировали его в 1956 году посмертно.

Воистину, пути Господни неисповедимы. В 1971 году судьба свела меня с Ириной Вениаминовной Алексеевой, дочерью человека, который тоже был репрессирован и, как выяснилось, несколько дней провел с моим отцом в одной камере. Я послала ему папину книгу и в ответ получила большое и прекрасное письмо, подробно рассказывавшее об этой встрече. Выдержкой из этого письма я и закончу свое повествование.

«...Ваш отец очень сокрушался, что не может передать родным главное — о своей полной невинности перед Советской властью, перед Россией. Это самое сокровенное желание он высказывал с такой болью, которая была мне родна.

Я пробыл в камере с Вашим отцом не более десяти дней из тех почти трех лет, что просидел в этой тюрьме. (...) Это было тридцать четыре года тому назад. После моего возвращения к жизни (примерно с 1955 года) я всегда искал книгу „Поворот все вдруг“. (...) Фамилию отца даже забыл. Но когда услышал фамилию Колбасьев, снова встал передо мной тонкий моряк с бородой, горящими глазами, необыкновенно подвижный, повторяющий наизусть Лермонтова. И „одиночка“. А теперь, перечитывая его рассказы, я переживаю свидание с этим необыкновенно интересным человеком, который встретился мне в столь трагической обстановке давным-давно и оставил о себе живое воспоминание. И если Вы не видели отца с 1937 года, чувствую себя вправе передать Вам от него привет и воспоминания. В конце концов от нас всех ничего более не остается.

С сердечным приветом — В. Ярошевич 4.11.1971 г.»

Низкий поклон Вам, Вениамин Александрович!

Очень горько, что не было возможности успокоить отца, уверить его в том, что никогда у нас не возникло сомнения в чистоте его совести. Никогда!

Изыскания

Н. НОВИКОВ

ДОПОЛНЕНИЕ К РОДОСЛОВНОЙ

Еще в студенческие годы, в Ленинграде, мне довелось побывать на первой в нашей стране выставке Святослава Николаевича Рериха. Помню, как поразили меня его волшебные краски и необычные пейзажи.

А в сентябре 1980 года пришло письмо народного артиста СССР Евгения Нестеренко: «Посылаю выписки из книги Рериха: „Мать художника, Мария Васильевна, урожденная Калашникова, была коренной псковитянкой... А жена Елена Ивановна Шапошникова, правнучка полководца М. И. Кутузова, двоюродная племянница композитора М. П. Мусоргского“... Возможно, это заинтересует...».

С особым интересом стал я перечитывать все, что связано с Рерихом.

Особенно меня интересовала одна фраза из дневника Николая Константиновича: «Пусть встанет во весь рост создание великого творца. Чем полнее, чем подлиннее будем выражать великие мысли, тем большим неиссякаемым источником они будут для асего народа. Слава Мусоргскому!».

Но где же соединились Рерихи с Мусоргскими? Я спросил об этом у внучатой племянницы композитора, Татьяны Георгиевны Мусоргской, но она ничего не знала. Обратился в Москве к правнучке полководца Кутузова Наталье Михайловне Хитрово-Кутузовой, но и та не сообщила никаких подробностей. Позже я узнал, что в Ленинграде живут родственницы Рерихов — сестры Митусовы. Написал им и сразу же получил ответ: «Я... очень благодарна, что обратились с таким интересным и приятным для меня вопросом, — писала одна из сестер, Татьяна Степановна. — Больше всех из русских композиторов я люблю музыку Модеста Петровича, и совсем не потому, что нахожусь с ним в каком-то далеком и до сих пор мне неясном родстве. Мне очень хочется узнать от Вас о нем как можно больше. А чем могу быть полезна, сделаю все возможное с удовольствием. Сейчас могу только сказать, что у нас есть старинный портрет тетюшки Модеста Петровича. Портрет небольшой, овальный, в темных тонах...».

При встрече я подробно рассказал о поисках и узнал от сестер их биографию. Старшая — Злата Степановна — родилась в 1908 году и умерла в блокаду. Средняя, Людмила Степановна, до войны

окончила три курса Академии художеств, работала архитектором, с детства увлекалась музыкой и теперь играет на пианино, поет в хоре. Младшая, Татьяна Степановна, училась в балетной школе, танцевала в театре, но в войну пришлось перейти на завод.

Когда заговорили о Мусоргском, Людмила Степановна сказала:

— Если бы знали — записывали бы воспоминания отца, он ведь был близок со многими музыкантами и дружил с Римским-Корсаковым.

Она достала объемистую книгу в красивом переплете — родословную Митусовых, напечатанную на роскошной бумаге, и мы вместе стали разбирать сложные разветвления генеалогического дерева.

— Елена Ивановна Рерих доводилась папе двоюродной сестрой, — сказала Татьяна Степановна. — А наша бабушка была из рода Голенищевых-Кутузовых — ее звали Евдокия Васильевна. У нее еще три сестры: Екатерина, Людмила и Анастасия, или, как ее называли, «баба Стася». Екатерина Васильевна — мать Елены Ивановны, теща Рериха...

Две небольшие комнаты Митусовых походят на музей: старинная мебель, посуда, скульптура, на стенах подлинны картины, среди них и рериховские, портреты предков. Сестры показывали и объясняли:

— Это наш дедушка Степан Николаевич Митусов — он был министром. А это папа Степан Степанович — профессиональный музыкант, дирижер, хормейстер.

В книге Н. К. Рериха мне встречалась такая запись: «Вспоминается, как в мастерских Общества поощрения художеств под руководством Степы Митусова гремят хоры Мусоргского. А вот в Париже Шаляпин учит раскольницу петь из „Хованщины“... „Помните же, что вы Мусоргского поете“». В этом удареии на Мусоргского великий певец вложил всю убедительность, которая должна звучать при этом имени для каждого русского...».

— Отец говорил, что с Мусоргскими мы породнились через Шаховских, — сказала Татьяна Степановна. — Но точно не помню. Может, Святослав Николаевич знает? Хорошо бы вам с ним повидаться.

Я понимал, что это практически невозможно, ведь Рерих редко бывает в нашей стране. Но опять помогли счастливые обстоятельства. В 1984 году отмечались